

Н. А. ГРИГОРЬЯН

НАУЧНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И. М. СЕЧЕНОВА

Золотой век русской литературы, ренессанс русского естествознания – таким было XIX столетие, когда жил и работал отец русской физиологии И. М. Сеченов. Его работа в науке началась накануне отмены крепостного права.

Вспоминая царившую в ту пору атмосферу в России, Сеченов писал: «Все знали, что великий акт освобождения миллионов рабов вскоре совершится, и все трепетно ждали его обнародования. С некоторых пор дышалось много свободнее, чем прежде: в литературе и в обществе зарождались новые запросы, новые требования от жизни. Это было, конечно, *очень счастливое время*»¹. А. П. Чехов эпоху 60-х гг. называл «светлым временем». Счастливым оказалось время и для науки.

Между тем 40–50-е гг. XIX в. были крайне неблагоприятными, «бледными» для отечественного образования и науки. Однокурсник Сеченова и Боткина по Московскому университету, известный врач и общественный деятель, доктор Н. А. Белоголовый писал: «Это были тяжелые времена застоя, неприязни правительства к расадникам высшего образования и насильственного разобщения их с всемирной наукой»². Красноречивы и воспоминания о той поре И. Тургенева: «... Взятничество процветает, крепостное право стоит как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов, поездки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым ученым, литературным ведомством»³.

Коренные, радикальные изменения в науке и образовании начинают происходить после принятия нового, созидательного университетского устава 1863 г., его концепция была разработана К. Бэрм и Н. И. Пироговым. В то время в университетах создавались научные лаборатории, клиники, музеи, научные общества, которые организовывали съезды русских естествоиспытателей и врачей. В те далекие 60-е гг. реформами науки и образования занимались ученые – университетские профессора.

Самым типическим представителем науки эпохи 60-х гг. XIX в. был И. М. Сеченов. – великий физиолог и психолог, мыслитель и университетский деятель, основатель первой русской физиологической школы, поборник высшего женского образования, почетный член Петербургской академии наук.

¹ Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1907. С. 115–116.

² Белоголовый Н. А. Воспоминания. М., 1897. С. 328.

³ Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 2. М.: Наука, 1983. С. 44–45.

Сеченов определил два магистральных направления современной биологии и физиологии: физико-химическое и эволюционно-экологическое. В Западной Европе он был известен прежде всего своими трудами в области нейрофизиологии и физико-химическими исследованиями, опубликованными главным образом в немецких журналах. В России, в русском обществе, Сеченов прославился как автор психофизиологических трактатов, среди которых знаменитые «Рефлексы головного мозга» (1863), вызвавшие острейшие дискуссии, участниками которых были физиологи, психологи, философы, историки, деятели церкви, публицисты, литераторы.

Сеченов считал, что нейрофизиология изучает свойства и функции нервных волокон, нервных стволов и нервных центров, что позволит в будущем раскрыть сущность молекулярных движений при физиологической деятельности. Сеченов придерживался взгляда, что в основе нервных процессов, нервного возбуждения лежат химические процессы, что исследование природы нервного возбуждения становится проблемой химической, что переход нерва от покоя к деятельности связан с «химическими переворотами внутри нерва»⁴.

В монографии «Физиология нервной системы» (1866) Сеченов сформулировал учение о «темном мышечном чувстве», составившее основу важного раздела современной нейрофизиологии, — учения о проприорецепции мышц. Последовательно развивая учение о мышечном чувстве, Сеченов приходит к представлению о нервных центрах как автоматических регуляторах.

Одна из последних глав монографии «Физиология нервной системы» посвящена анализу происхождения мимических движений у животных и человека. До Дарвина Сеченов сформулировал положение об общности происхождения выразительных движений у животных и человека.

В результате 30-летних исследований Сеченов установил физико-химические закономерности распределения газов в крови и соляных растворах. Изучение закономерностей растворения, связывания и транспорта угольной кислоты и кислорода кровью позволило раскрыть физико-химическую основу физиологии дыхания. Физико-химические исследования Сеченова имеют непосредственное отношение к истокам авиационной медицины — в них речь идет о физиологических механизмах дыхания в условиях нормальной жизнедеятельности и в условиях измененного атмосферного давления. Физико-хи-

И. М. Сеченов в лаборатории. Петербург, 1862 г.

⁴ Сеченов И. М. Физиология нервной системы. СПб., 1866. С. 21.

И. М. Сеченов в среди преподавателей и слушателей Медико-хирургической академии (во втором ряду, третий слева) Петербург, 1863 г.

мические исследования Сеченова внесли важный вклад в физическую химию, в учение о растворах.

В начале XX в. Сеченов приступил к изучению физиологии здорового человека, что составляет основу космической физиологии и медицины.

Идеи Сеченова сегодня актуальны как никогда. Его концепция о целостном изучении поведения человека – его телесного и психического единства – лежит в основании психофизиологии и нейронаук, наиболее интенсивно развивающихся направлений современной биологии и психологии. Взгляды Сеченова об определяющей роли социокультурных факторов в формировании нравственной личности и гражданина составляют основу современной педагогической науки. Создание в последние годы в России факультетов фундаментальной медицины в Московском, Петербургском и Новосибирском университетах свидетельствует о современности взглядов Сеченова – сторонника университетской системы медицинского образования на основе интеграции физико-химических, медико-биологических и гуманитарных наук.

Жизнь и труды Сеченова были посвящены служению истине. Сеченов никогда не отказывался от своих убеждений. Именно поэтому власти угрожали ему судом, и до конца своих дней он был под негласным надзором полиции. Не отсюда ли слова Н. И. Вавилова: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся!»⁵

⁵ Вавилов Н. И. Из выступления на выездной сессии областного бюро секции научных работников // Жизнь коротка, надо спешить. М.: Советская Россия, 1990. С. 292.

В первом фундаментальном труде – диссертации «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения» – Сеченов начертал научно-исследовательскую программу ученого, назвал перспективные направления развития физиологии и патологии. В физиологии – системный подход к анализу жизнедеятельности организмов, заинтересованность в изучении социально значимых явлений; в патологии – молекулярный подход («единственный принцип в патологии – молекулярный»).

Оценивая место своей диссертации в истории науки, Сеченов писал: «Суд над собственным трудом с виду очень странен; но едва ли кто откажет ему в значении, если в основе его лежит желание истины, а не лицемерная скромность или слепая любовь к собственным подвигам». Отмечая, что до его исследования были сделаны лишь отдельные работы по некоторым явлениям опьянения, Сеченов пояснял, что его труд удовлетворяет требованию науки, так как он «рассматривает явления опьянения в их естественной связи и последовательности, придавая им физиологический смысл, открывает пути новым исследованиям»⁶.

Сеченов становится знаменем эпохи, особенно после выхода в свет «Рефлексов головного мозга» (1863), а физиология – предметом обсуждения, ожесточенных споров в обществе, в салонах. «Рефлексы головного мозга» читали все – не только образованные. Известно, что купчиха в Сибири рассуждала: «Наш знаменитый ученый Сеченов говорит, что нет души, а есть рефлексы». В обществе спорили о модном вопросе, есть ли граница между психическими и физиологическими явлениями в деятельности человека и где она. Л. Толстой в романе «Анна Каренина» писал, что профессор из Харькова вел жаркую полемику против материалистов. Иногда «Рефлексы...» подводили людей. Так, Стива Облонский, «вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным – все было бы лучше того, что он сделал! Его лицо совершенно невольно («рефлексы головного мозга» – подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию) вдруг улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой»⁷.

Удивительно богата не только научная биография Сеченова, но и весь его жизненный путь, социокультурная и литературная среда ученого. Детство Сеченова прошло в близком общении со знаменитыми соседями, давшими миру династии Филатовых, Ляпуновых, Крыловых.

Сеченов получил блестящее образование. До 14 лет он воспитывался дома вместе с сестрами, хорошо знал немецкий и французский языки, затем овладел английским и итальянским. В 1843–1848 гг. он учился в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге. Здесь он получил основательные знания по математике (его учитель академик М. В. Остроградский), химии и физике. С 1850 по 1856 гг. Сеченов – студент медицинского факультета Московского университета. Сеченов в течение четырех лет – с 1856 по 1860 гг. готовился к профессорской деятельности в лабораториях Германии – работал у классиков немецкой физиологии Э. Дюбуа-Реймона, К. Людвига и Гельмгольца, биохимика Ф. Гоппе-Зейдера, физика Р. Магнуса, химика Р. Бунзена. Ни один фи-

⁶ Сеченов И. М. Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения. СПб., 1860. С. 63–64.

⁷ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Собрание сочинений: В 22 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1981. С. 9.

*И. М. Сеченов с любимой собакой.
Москва, 1904–1905 гг.*

зиолог – ни до, ни после Сеченова – не прошел такое разнообразие школ.

В Московском университете Сеченов изучал не только медицину. В пору расцвета историко-филологического факультета он слушал лекции Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. Это очень важный фактор в биографии ученого, определивший его мировоззрение и интерес к гуманитарным и общественным наукам, социологии. Как верно подметил один из сыновей М. А. Ляпунова, филолог-славист академик Борис Ляпунов: «Сеченов отличался не только глубокой проницательностью в области избранной им специальности... но и любовью к науке вообще, умением понимать и ценить не только область естественных наук, но и науки общественные и гуманитарные. Он имел друзей среди историков, философов, литераторов. Его друзьями были К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, И. В. Ягич»⁸.

Все шесть студенческих лет в Москве (1851–1856) Сеченов провел в «величайшей» дружбе с семьей Визаров (об-

русевшие французы, отец семейства был директором Воспитательного дома), в которой царствовало поклонение Грановскому. В семье Визаров Сеченов познакомился с поэтом, литературным и театральным критиком Аполлоном Григорьевым, драматургом Александром Островским. «Университет, – вспоминал Сеченов, – играл тогда в Москве очень видную просветительную роль, и Москва его любила – не то, что ныне, когда университет стараются оградить от общества Китайской стеной чиновничьих регламентов»⁹.

Всю жизнь с самого детства Сеченову везло: его окружали талантливые, незаурядные личности – ученые и деятели культуры. Это не просто окружение – они были друзьями Сеченова. Достаточно назвать имена С. П. Боткина и В. Л. Грубера, Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова, И. И. Мечникова и братьев А. О. и В. О. Ковалевских, Н. А. Умова, известных правоведов Н. С. Таганцева и А. Л. Дювернуа, композитора и химика А. П. Бородин. Сеченов знал и общался с писателями Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым (он ассистировал Сеченову на его публичной лекции в Петербургском Пассаже), Ф. М. Достоевским, Н. Г. Чернышевским, художниками А. А. Ивановым и И. Е. Репиным (Репин дважды писал портрет ученого), издателем и редактором либерального журнала «Вестник

⁸ Ляпунов Б. М. Воспоминания об И. М. Сеченове. Цит. по: Житков Б. М. Иван Михайлович Сеченов в жизни. М.: Изд-во МОИП, 1944. С. 38.

⁹ Сеченов. Автобиографические записки... С. 116.

Здание Физиологического института Московского университета, конец XIX в.

Европы» М. М. Стасюлевичем, с известными общественными деятелями в области высшего женского образования Н. В. Стасовой и А. Н. Шереметевской. На склоне лет в Московском университете Сеченов дружил с физиком А. Г. Столетовым, экономистом А. И. Чупровым, физиологом К. А. Тимирязевым, химиком Н. Д. Зелинским, гигиенистом Ф. Ф. Эрисманом, зоологом М. А. Мензбиром, с историком В. О. Ключевским и литератором Н. Стороженко, любил он бывать в доме Нила Ф. Филатова, дружил с певицей А. В. Неждановой. Она с теплотой вспоминала свою дружбу с семьей Сеченовых и считала большим счастьем быть в самых близких дружеских отношениях с великим ученым, замечательным человеком – Иваном Михайловичем Сеченовым и его верным любящим другом – женой Марией Александровной. Они были для нее на всю жизнь самыми дорогими, самыми близкими людьми. Иван Михайлович считал своим долгом следить за проявлением ее характера, поведением, за всеми поступками, прививать правильное направление... мыслям и взглядам.

Формирование Сеченова как личности и как ученого свидетельствует о важности такого социокультурного фактора как живое общение и дружба с великими.

Мысль о важности живого общения ученых (особенно молодых) с великими, о роли международного научного сотрудничества развивал И. П. Павлов – идейный ученик и продолжатель дела Сеченова. Открывая XV Международный физиологический конгресс в Ленинграде в августе 1935 г., Павлов сказал: «Я выдвинул пункт, имеющий большую важность, а именно специальное влияние таких собраний деятелей науки на молодое поколение, на начинающих ученых. Силу этого влияния я знаю по себе, по своим молодым годам... На мо-

лодежь зрелище мировой работы в лицах должно иметь огромное возбуждающее значение»¹⁰.

Благодаря живому общению со светилами науки, вдохновению от общения с ними, научное знание распространяется по миру, создаются научные школы. Именно научные школы объединяют опыт, авторитет и зрелость учителя, а также увлечение, вдохновение, эмоциональный настрой молодых ученых – отсюда рождение новой, свежей мысли, оригинальных направлений в науке. История научных школ свидетельствует, что учителя передают ученикам не только научное знание и методы исследования, но и социокультурные традиции, духовные и нравственно-этические ценности.

Именно поэтому в своих трудах, особенно в «Рефлексах головного мозга», «Физиологии растительных процессов», «Учении о не-свободе воли с практической стороны» и в «Автобиографических записках» Сеченов так много внимания уделил окружающей среде человека – природной, научной, общественно-культурной и литературной. Сеченов призывал семью, общество заботиться о просвещении разума своих членов, учить людей добру, правде, труду и справедливости и «непременно примером, потому что моральное чувство, подобно эстетическому, требует наглядного обучения»¹¹.

Духовное сближение народов, подчеркивал Сеченов, осуществляется через науку и культуру. Наука всегда имеет общекультурное значение. Именно достижения науки, литературы и искусства, согласно Сеченову, служат «самым верным пробным камнем на культурность расы... Они способствуют взаимопониманию и сближению русских с Западом»¹². При этом Сеченов подчеркивал роль Тургенева в сближении России с Западом. То же в области науки делали и делают русские ученые – и в этом трудно переоценить роль Сеченова.

О роли Сеченова в установлении равноправного международного сотрудничества между учеными свидетельствует его дружба с Карлом Людвигом. По воспоминаниям коллег и учеников, К. Людвиг был веселым, жизнерадостным человеком, любил болтать за работой, рассказывать анекдоты из университетской жизни, о чудаках-профессорах. Он расспрашивал Сеченова о России и неплохо знал русскую литературу, особенно любил Лермонтова. Как-то Иван Михайлович прочитал Людвигу наизусть «Дары Терека». Взаимоотношения между Людвигом и Сеченовым посвящено немало страниц «Автобиографических записок». Они были родственными душами, одинаково смотрели на роль науки и ученого в обществе, на международное научное сотрудничество, придерживались одних и тех же взглядов на свободу и единство науки и образования, одинаково судили о людях. Переписка между учителем и учеником длилась более 30 лет – с 1859 по 1891 гг. Откликаясь на критику «Рефлексов головного мозга» в России, Людвиг писал Сеченову: «Что это напечатано о Вас в газете? Мне говорили, что Ваши произведения подвергнуты специальному надзору. Подобные вещи не допустимы по отношению к такому верному сыну своего отечества, как Вы»¹³.

¹⁰ Павлов И. П. Избранные труды. М., 1999. С. 44.

¹¹ Сеченов И. М. Учение о не-свободе воли // Собрание сочинений: В 2 т. М., 1907–1908. Т. II. С. 134.

¹² Сеченов И. М. Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // Там же. С. 433.

¹³ Сеченов И. М. Избранные труды. М.; Л., 1935. С. 18–19.

Приветствуя избрание Сеченова профессором физиологии Московского университета, Людвиг 6 ноября 1891 г. писал: «Мне нет необходимости писать Вам, что я рад Вашему вступлению на путь, достойный Ваших сил; а степень моей радости выразить пером невозможно. Довольно того, что Вы снова там, где нам хочется Вас видеть. Живя и преподавая в Москве среди любимого вами народа и имея прекрасных коллег, Вы вступаете в новую эру – более богатую и более счастливую, чем все предшествующие. Ваше новое открытие [...] поможет мне во многом; до сих пор мы очень [...] мало знаем о том, что такое раствор.

Вчера виделся с нашим общим другом В. Оствальдом и говорил ему о Ваших успехах – и внешних и внутренних. Он шлет Вам привет и поздравления. Преданный по-прежнему Вам Ваш К. Людвиг»¹⁴.

Об учителях Сеченова мы знаем из его «Автобиографических записок». Мало или вовсе не изучен вопрос о влиянии Сеченова на европейских ученых. Между тем в лаборатории К. Людвига Сеченов работал со многими физиологами из разных стран. Среди них чех В. Томса, впоследствии профессор физиологии университета Святого Владимира в Киеве, затем в Чехословакии. Есть основание полагать о влиянии Сеченова на мировоззрение Томсы. В этом отношении представляет интерес выявленное нами в Архиве РАН письмо чешского физиолога О. Шкранца известному физиологу и историку науки директору ИИЕТ чл.-корр. АН СССР Х. С. Коштоянцу.

Архив РАН. Ф. 1656. Оп. 1. № 184. Л. 1. б/д

Коштоянцу,
директору Института истории естествознания,
ул. Фрунзе, 11.

От д-ра медицины Ольдржиха Шкранца, ассистента кафедры физиологии Военно-медицинской академии,

Градец Кралове, Чехословакия.

Глубокоуважаемый товарищ академик!

Я чрезвычайно благодарен Вам за присланный мне ценный материал о пребывании и деятельности нашего физиолога проф. В. Томса в Киеве. Изучая биографию В. Томсы, я натолкнулся на сообщение о его знакомстве с отцом русской физиологии Сеченовым.

Вы в своей книге «Очерки...», которые, к сожалению, у нас в Чехословакии является большой редкостью, на с. 195–196 приводите письма Людвига Сеченову с упоминанием о сотрудничестве с Томсой. В литературе мне не удалось найти никаких подробностей о взаимоотношениях Томсы с Сеченовым, но я убежден, что они должны были обязательно возникнуть при посредничестве их общего друга Людвига.

Мне очень хотелось бы дополнить эту часть биографии Томсы данными о возможном влиянии русской физиологии, и в особенности И. М. Сеченова, на создание или утверждение материалистического мировоззрения у нашего профессора В. Томсы.

¹⁴ Там же. С. 29–30.

Я был бы Вам, глубокоуважаемый товарищ академик, искренне признателен за все указания, какие Вы могли бы дать мне по этому вопросу.

Д-р медицины Ольдржих Шкранц.

Говоря об учителях, о том, у кого надо учиться, Сеченов всегда подчеркивал – следует учиться только у первоклассных ученых. Такими были его учителя. Так, на просьбу А. М. Ляпунова помочь физиологу-ветеринару с выбором лаборатории по физиологической химии, Сеченов посоветовал: «Передайте господину, о котором вы пишете, что Ненцкий первоклассный физиолого-химик не только у нас, но и в Европе. Поэтому пусть старается попасть к нему из всей мочи. Второе место физиологической химии (после Института экспериментальной медицины), я полагаю, лаборатория А. Данилевского в Медицинской академии, но это уже далеко не то, что первое место»¹⁵. Совет Сеченова – учиться только «у первых» – особенно актуален сегодня.

Самым близким другом Сеченова был И. И. Мечников. Их первая встреча состоялась летом 1865 г. в Италии, в Сорренто, куда 20-летний Мечников вместе с А. О. Ковалевским специально приехал познакомиться. «Я сразу же был поражен его замечательной наружностью. На широком, некрасивом, со следами оспы, очень смуглом лице, несколько сглаженного монгольского типа, блестели темные глаза необыкновенной красоты. В них выражался глубокий ум и особенная проницательность, соединенная с необыкновенной добротой. Разговор сразу принял деловой, научный характер, он посвятил нас в результаты своей новейшей работы по физиологии нервных центров. Мы вышли совершенно очарованные новым знакомством, сразу признав в Сеченове учителя»¹⁶.

Более 6 лет они работали в Новороссийском университете в Одессе, много раз встречались в Санкт-Петербурге, в Граце (Австрия), в Париже, в Пастеровском институте. Последняя встреча состоялась в Москве в 1897 г. – в дни XII Международного медицинского конгресса. Об этой встрече Мечников писал: «Мы уединились у него на квартире, чтобы еще раз побеседовать по душам и с сочувствием вспомнить былое»¹⁷. Мечников не только высоко оценивал научную и общественную деятельность Сеченова, он характеризует его как «возвышенную, чистую личность», как необыкновенно доброго человека с «очень мягким сердцем», который считал недопустимым излишнюю строгость по отношению к студентам и проявлял «жестокость» только к лягушкам – основному объекту своих исследований, всегда был либерально настроен и чужд политики. Сеченов считал 24-летнего Мечникова достойным должности ординарного профессора. Сеченов хорошо знал труды первых русских Нобелевских лауреатов. Считал Павлова «лучшим вивисектором» Европы. Он первым поздравил Павлова с Нобелевской премией, с «блестящим завершением» исследований в области физиологии пищеварения.

Большую ценность представляют воспоминания о Сеченове его непосредственных учеников. А. Ф. Самойлов, ученик Сеченова по Московскому университету, вспоминал:

¹⁵ Сеченов И. М. Научное наследство. М., 1956. АН СССР. Т. 3. С. 229.

¹⁶ Мечников И. И. Академическое собрание сочинений. Т. XIV. М.: Медгиз, 1959. С. 63.

¹⁷ Там же. С. 74.

И. М. Сеченов и М. А. Сеченова (в центре) вместе с Е. Н. Домрачевой и А. В. Неждановой (справа). Москва, 1904 г.

Внешний его облик, манеры, его обращение, какая-то значительность всего его разговора соответствовали тому образу, какой у меня сочетался с этим обаятельным именем Сеченова. Если я скажу, что увидел старика среднего роста, крепкого сложения, сухого, с крупными чертами лица в легких рябинах, с особенно странным цветом кожи лица какого-то бледного, зеленоватого отлива, – то, само собой разумеется, такое описание даст мало. Сеченова нужно было видеть!

Он очень любил доброту в других, он был и по существу своему добрым человеком... Он умел быть временами очень строгим, он был по-своему прекрасен в моменты строгости, суровости, в моменты гнева и негодования, которые прорывались в нем особенно в случаях оценки несправедливости властей ¹⁸.

Самойлов был свидетелем состояния Сеченова, получившего известие о смерти Г. Гельмгольца (осень 1894 г.). «Он был в черном фраке, который надевал в торжественных случаях. Он начал читать лекцию о Гельмгольце, но не мог дочитать до конца [...] Во время лекции он разрыдался. Рыдая и вздрагивая всем телом, повторял: «Такой человек уходит в могилу». Пожилой человек, видевший и переживший уже многое и много, плачет по поводу утраты чужого человека...» Когда Самойлов больше узнал Сеченова и его труды, ему стал ясен смысл его состояния. «Помимо чувства кровного родства, – писал Самойлов, – существует не менее сильное чувство духовного родства. Облик Гельмгольца – физиолога, физиолога-философа – и облик Сеченова

¹⁸ Самойлов А. Ф. И. М. Сеченов и его мысли о роли мышцы в нашем познании природы // *Он же. Избранные труды*. М.: Наука, 1967. С. 257–258.

И. М. Сеченов. Москва, конец 90-х гг.
XIX в.

близки, родственны друг другу и по характеру круга мыслей, их привлекавших и захватывавших, и по умению утверждать свою позицию трезвого естествоиспытателя в областях, где царила дотоле спекуляция философов»¹⁹.

* * *

Сеченов был принципиальным противником юбилеев. За все 45 лет служения науке и обществу не было ни одного чествования ученого. Слава Сеченова посмертна. И в этом большая заслуга Павлова.

И. П. Павлов сразу же после избрания его председателем Общества русских врачей в Петербурге (в 1907 г.) позаботился о том, чтобы устраивать ежегодные заседания в память Сеченова. Павлов считал, что имена Пирогова, Менделеева и Сеченова должны чествовать ежегодно, — русский народ, выдвинувший из своей среды таких ученых, может с полным доверием от-

носиться к своему будущему. «Такая крупная, яркая и ценная личность, — говорил Павлов, — как Иван Михайлович Сеченов, должна жить в памяти потомства, служа постоянным возбудителем сменяющихся поколений». Неизмеримо высоко оценивая личные качества Сеченова, Павлов и сегодня напоминает нам, что личность ученого играла и будет играть все большую и большую роль в науке и в обществе.

«Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования вместо половинчатого весь нераздельно животный организм. И это — целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли»²⁰.

Основатель харьковской физиологической школы В. Я. Данилевский писал, что такие ученые, как Сеченов, сделали и делают для образования и науки больше, чем целые учреждения, в которых царит департаментский дух.

Творческое общение и дружба с учеными разных специальностей в области физико-математических, химических и медико-биологических наук — с выдающимися математиками, физиками и химиками, патологами, биохимиками и зоологами — позволили Сеченову не только построить мосты между науками, но и разработать новый междисциплинарный подход к решению проблем физиологии и медицины, что наиболее ярко проявилось в его трудах по физи-

¹⁹ Самойлов. Избранные труды... С. 203.

²⁰ Павлов. Избранные труды... С. 43.

кохимии крови, воспитать в своей школе физиологов, фармакологов, микробиологов, гигиенистов.

Ученик и восприимчивый кафедры Сеченова по Петербургскому университету, основатель собственной школы, Н. Е. Введенский с именем учителя связывал историю обновления России в науке, образовании и просвещении, популяризации философских идей в обществе. Как в жизни, так и в специальных трудах, подчеркивал Введенский, Сеченов жил и работал, подчиняясь лишь голосу внутреннего убеждения, внутреннего призвания. Именно великая сила самоопределения характерна для истинного ученого, как и поэта. Свое отношение к назначению избранных – великих, к которым он относил своего учителя, Введенский выразил стихами Пушкина:

Ты царь, живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

«Наше время, – продолжал Введенский (речь идет о 1905–1906 гг. – Н. Г.), – как и время 60-х годов, бурное и боевое. Будем по примеру великого ученого-мыслителя внимать голосу своего внутреннего убеждения, голосу истины. Но будем уважать и ценить эти чувства и в других. Лишь при искренней, глубокой терпимости, без которой не может существовать жизнь культурного общества, наша переходная эпоха получит более нормальное течение, она найдет разумный исход и приведет к разумному общественному строю»²¹.

Фундаментальные открытия Сеченова и И. И. Мечникова, Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова, А. О. Ковалевского определили расцвет естествознания в России. И это было достигнуто за очень короткое время – каких-то 8–10 лет. Бессмертие Сеченова в его трудах, в созданных им школах, учениках – создателей новых направлений в медико-биологических науках. Направления школы Сеченова развиваются сегодня в институтах РАН и РАМН.

Хочется закончить очерк словами К. А. Тимирязева: «Ни один русский ученый не имел такого широкого и благотворного влияния на русскую науку и развитие научного духа в нашем обществе. Физиология должна признать своего неоспоримого отца в высокоталантливой и столь же оригинальной и светлой личности И. М. Сеченова»²².

²¹ Введенский Н. Е. Иван Михайлович Сеченов // Введенский Н. Е. Полн. собр. соч. 1963. Изд-во ЛГУ, Т. VIII. С. 49.

²² Тимирязев К. А. Развитие естествознания в России в XIX веке // Сочинения. 1939. Сельхозгиз, Т. 8. С. 165.